

УДК 801.73

СПЕЦИФИКА ВОПЛОЩЕНИЯ ТЕМЫ ДЕТСТВА В ПРОЗЕ Л. УЛИЦКОЙ

© 2014 г.

О.Ю. Осмухина

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск

osmukhina@inbox.ru

Поступила в редакцию 09.06.2014

Анализируется преломление темы детства в творчестве Л. Улицкой. Установлено, что от рассказов к романам детская тема расширяется и углубляется, переносится из сферы сугубо психологической в область метафизическую, связывается с проблемой восприятия ребенком основополагающих нравственных ценностей. В прозе non-fiction детство мыслится писательницей как пробуждение «я», исток всей последующей жизни.

Ключевые слова: образ, рефлексия, роман, проза non-fiction, традиция.

Общеизвестно, что детство является одной из наиболее востребованных, актуализирующихся в писательской практике с XIX до рубежа XX–XXI вв. тем. На протяжении полутора столетий в отечественной и западной словесности детская проблематика рассматривалась в различных аспектах: детский взгляд как особый вид мировосприятия; ребенок как носитель определенных, недоступных взрослым качеств и воззрений; дитя как символ вечности природного и человеческого бытия; ребёнок как жертва мира взрослых.

Традиционно ребенок в русской литературе является носителем таких качеств, как нравственная чистота, близость с природой, невинность. Детей нередко сравнивают с ангелами, говоря не столько об их внешней красоте, сколько о непорочности, непричастности к социальному, навязанному миром взрослых злу в силу «нежного» возраста. Достаточно вспомнить в связи с этим творчество Ф. М. Достоевского, акцентировавшего внимание на детской незапятнанности и нравственной чистоте: «Тут именно незащищенность-то этих созданий и соблазняет мучителей, *ангельская доверчивость* дитяти, которому некуда деться и не к кому идти, – вот это-то и распаляет гадкую кровь истязателя» [1, с. 279]. Можно с уверенностью утверждать, что в отечественной словесности формируется вполне устойчивая традиция «взрослой» литературы о детях и детской душе (от А. Аксакова и Л. Толстого до Тэффи, А. Белого, М. Горького, В. Набокова, И. Бунина и др.), причем детский мир, нередко автономный от взрослого мира, стереоскопически высвечивает взрослый мир в «правильном» свете.

Современные отечественные прозаики, крайне редко избирающие ребенка (подростка) сюжетно значимым образом, тем не менее не-

редко обращаются к детской теме, предлагая весьма своеобразные ее интерпретации: от символического изображения детства и младенчества как «утраченного рая» (Т. Толстая), соотнесенности его с темой тотального сиротства и одиночества (П. Санаев, Д. Липскеров) до детской жертвенности и слияния с вечностью (В. Сорокин). Так, в рассказе В. Сорокина «Настя» в день шестнадцатилетия героини (день ее символического перехода во взрослую жизнь) совершается акт каннибализма: «<...> восемь рассеянных, переливающихся радугами световых потоков <...> пересеклись над блюдом с обглоданным скелетом Насти, и через секунду ее улыбающееся юное лицо возникло в воздухе столовой и просияло над костями» [2, с. 76]. Именно коллективное «поедание» ребенка и переводит детство съеденной девочки в категорию вечности.

Мир прозы Т. Толстой, населенный взрослыми персонажами, – принципиально детский мир, поскольку он является выражением впечатлений инфантильных, несуразных, нуждающихся в помощи и опеки героев, даже в повзрослевшем состоянии все еще постигающих мир и продолжающих по-детски мечтать (дядя Паша из «На золотом крыльце сидели...», Симеонов из «Реки Оккервиль», Соня и Петерс из одноименных рассказов и др.). По сути, уже в рассказах Т. Толстой «детскость» становится самостоятельной ментальной категорией.

Детская тематика разрабатывается и В. Пелевиным, причем в контексте принципиально иных проблем. Так, в одном из ранних рассказов прозаика «Онтология детства» репрезентуемая самим заглавием тематика связывается не только с традиционными для феномена детства ощущениями покоя и счастья, но и понятием свободы. И дело даже не в том, что события

рассказа происходят в тюрьме: герой рожден в тюрьме, здесь проходит его детство, и он пребывает в состоянии «физического» ожидания освобождения. Доминирующей становится мысль о том, что свобода – ощущение внутреннее, не зависящее от внешних обстоятельств. Однако, взрослея, становясь частью «большого» мира, теряя детскость, ребенок, по Пелевину, неминуемо теряет и свободу: «Предмет не меняется, но что-то исчезает, пока ты растешь. На самом деле это “что-то” теряешь ты, необратимо проходишь каждый день мимо самого главного, летишь куда-то вниз – и нельзя остановиться» [3, с. 196]. Очевидно, таким образом, что квинтэссенция рассказа заложена уже в заглавии: детство введено в контекст онтологической, бытийной проблематики. Сходную интерпретацию «детская» тема получает и в повести «Омон Ра», в которой буддистский тезис «мир – это только мое впечатление», реализуемый в «Онтологии детства», оттеняется бытовыми, по сути, воспоминаниями детства, оставляющими ощущение общности воспоминаний целого поколения и смягчающими последующие «взрослые» представления героя о реальном мире, – это и «обледенелые ступени деревянной горки», и «большие пластмассовые кубики» [3, с. 11], и пионерский лагерь «Ракета», и подростковое увлечение авиамоделированием и фильмами «про летчиков», и всеобщая детская мечта «стать космонавтом».

Примечательно, что в прозе последнего десятилетия с образом ребенка связан ряд мотивов, нехарактерных даже для произведений 1990-х гг. (они же, кстати, свойственны и новейшей драматургии [4, с. 215–219]). Прежде всего это мотивы страха и одиночества, покинутости, «внутреннего» сиротства. Так, в повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом» детство героя отождествляется с метафизическим одиночеством и перманентным страхом – за себя, собственную будущность, за мать. И доминантно здесь отнюдь не ощущение детства как счастья и некой гармонии, но разочарование ребенка, его бесконечное страдание от разлуки с матерью: «Редкие встречи с мамой были самыми радостными событиями в моей жизни. Только с мамой было мне весело и хорошо. Только она рассказывала то, что действительно было интересно слушать, и одна она дарила мне то, что действительно нравилось иметь» [5, с. 92]. При живой матери маленький Саша – сирота, живущий с бабушкой и дедом, нередко мучится ненавистью к ним именно потому, что *они* не позволяют ему видеть маму. У Саши нет полноценной семьи в ее архетипическом понимании как символа вечного круговорота жизни –

его мир застывший, аморфный. Этому миру нельзя противостоять, и выход из него лишь один – смерть, которая мыслится для ребенка спасением: «– Мама! – испуганно прижался я. – Пообещай мне одну вещь. Пообещай, что, если я вдруг умру, ты похоронишь меня дома за плинтусом. – Что? – Похорони меня за плинтусом в своей комнате. Я хочу всегда тебя видеть. Я боюсь кладбища! Ты обещаешь? Но мама не отвечала и только, прижимая меня к себе, плакала» [5, с. 276]. Не случайно финальное обретение героем матери происходит только после смерти бабушки. Смерть (кладбище, похороны), соответственно, еще один мотив, актуализирующийся в связи с образом ребенка: «Снег падал на кресты старого кладбища. Могильщики привычно валили лопатами землю... Плакала мама, плакал дедушка, испуганно жался к маме я – хоронили бабушку» [5, с. 276].

В детективном творчестве Бориса Акунина значительное место занимают образы детей и подростков как носителей исконной духовной чистоты – достаточно вспомнить Сеньку Скорика («Любовник смерти»), Ластика (Эраста младшего) Фандорина (цикл произведений о Николасе Фандорине), Митридата Карпова («Внеклассное чтение»). При этом писатель, используя постмодернистские приемы, обновляет и расширяет детскую тематику, изображая в качестве мнимых носителей детского инфантильного сознания героев-злодеев, которые эксплуатируют образ «детской невинности» с целью ввести в заблуждение читателя и героя-протагониста [6, с.151–162].

В прозе Л. Улицкой – от ранних рассказов и повестей до прозы non-fiction последних лет – наблюдается перманентное обращение к детской тематике. При этом детская тема реализуется в творчестве писательницы разнонаправленно. Так, в рассказах Л. Улицкая изображает мир детства, всегда наполненный «девичьими» тайнами («Ветряная оспа»), выстраивающийся по собственным законам, нередко гипертрофированно жестокий (цикл «Девочки»), в котором взрослым нет места и они выполняют лишь «вспомогательную» функцию («Бронька»); иногда детство – это лишь фиксация мига счастья, проецирующегося как воспоминание на всю последующую жизнь взрослых («Счастливые»), или, напротив, оно безрадостное, не отпускающее давно повзрослевших персонажей («Сонечка»).

В романах писательницы детская тема несколько эволюционирует. С одной стороны, к примеру, в «Медее и ее детях» или в «Казусе Кукоцкого» детство, вписанное в большую историю рода Синопли / Кукоцких, вновь являет себя через общие тайны, взаимоотношения де-

тей, которые хотя и пытаются отгородиться от взрослых, но одновременно копируют поведенческие модели родителей, воспроизводят их отношения: «женское кокетство, и ревность, и петушиное удалство» [7, с. 121]. С другой стороны, детство мыслится как первооснова становления личности, пространство осознания себя в «большом» мире и времени, а потому детям здесь «дают слишком много свободы», «ужасно им потакают». В «Медее и ее детях», кроме того, мир детства являет себя и в мире вещном – от дома бездетной Медеи, являющегося воплощением родовой памяти, где детскими воспоминаниями наполнен каждый предмет, до кожаного сундучка, перед которым «три поколения девочек замирали <...> с вожделением» [7, с. 189].

В «Зеленом шатре» тема детства непосредственно сопрягается с проблемой взросления – не столько физического, сколько духовного. Хотя сюжетное действие развивается как история детства («Они были нормальные дети – баловались на уроках, перекидывались шариками из жеваной бумаги, брызгали друг в друга водой, прятали портфели и учебники, жадничали, дрались, пихались, как щенята, а потом вдруг замирали и задавали настоящие вопросы» [8, с. 50]) и постепенного взросления нескольких героев, доминантным становится осмысление возможности «нравственной инициации», которую проходят мальчики от одиннадцати до четырнадцати лет и которую пробуждает некое «переворачивающее душу, пробуждающее ее событие» [8, с. 79]. Или – напротив – невозможности такой инициации, когда физически взрослые люди остаются невыросшими «личинками», «подростками, закамуфлированными под взрослых» [8, с. 80]. Писательница по аналогии с животным миром, характеризуя стадию взросления, использует метафору «имаго» (кстати, глава, в которой Миха Меламид, один из главных героев романа, принял самое важное и трудное решение, озаглавлена «Имаго»). Это стадия взросления, недостижимая без инициации, где критерии «взрослости» – «не только способность к размножению», но «ответственность за свои поступки», самостоятельность и «степень осознанности» [8, с. 80]. Понятие детства, таким образом, лишается романтического ореола, углубляется, переносится из сферы психологической в область метафизическую, связываясь теперь с возможностью восприятия ребенком основополагающих нравственных ценностей. Примечательно, что если в ранних рассказах Л. Улицкой чтение, мир книги становились для ее героинь «подлинным бытием» и средством обретения себя («Сонечка», «Медее и ее дети» и др.), то в «Зеленом шатре» частью

«стратегии пробуждения» из «личинки» к истинной человечности, от инфантильной детскости к подлинному взрослению оказывается великая русская литература. Проводником же по ней является «гениальный неудачник», учитель Виктор Юльевич Шенгели, который ежедневно «проводил своих мальчиков путем Николеньки Иртеньева, Пети Кропоткина, Саши Герцена, даже Алеши Пешкова – через сиротство, обиды, жестокость и одиночество к восприятию вещей, которые сам считал основополагающими – к осознанию добра и зла, к пониманию любви как высшей ценности» [8, с. 82].

Детская тема преломляется и в сборнике эссе «Священный мусор»: не случайно книга открывается главой «Детство», где Л. Улицкая через призму личных воспоминаний размышляет о детстве как проживании границы «персонального опыта» «между “я” и “не-я”» [9, с. 21], и вновь, как и в «Зеленом шатре», апеллирует к «биологической» составляющей личности. Теперь, однако, писательница отождествляет детство со старостью, обращаясь к «глубокой смысловой рифме – стар и млад»: «В ранние годы <...> индивидуальные различия между людьми гораздо сильнее, чем те, которые определяются полом. <...> Потому что в самом раннем возрасте пол еще не нужен, и совсем юное существо свободно от его неукоснительных законов. Как и в старости, после выполнения программы продолжения рода, когда пол уже не нужен. Человек, исходя из этого, наиболее полно выражает свое человеческое содержание в раннем детстве и в поздней старости» [9, с. 22]. Практически во всех последующих главах сборника, рассматривая темы человеческого предназначения и истории, культурной и социальной идентичности, судеб своего поколения и взаимоотношений мужчины и женщины, времени и вечности, жизни и смерти, духовности и бездуховности, нравственного долга личности, так или иначе Л. Улицкая обращается к теме детства, которое мыслится ею как некое пробуждение «я», исток всей последующей жизни. Кстати, тематически примыкает к «Священному мусору» сборник «Детство 45–53: а завтра будет счастье», ставший книгой воспоминаний о детстве. Несмотря на то что Улицкая явилась лишь составителем книги, выросшей из писем и воспоминаний разных по возрасту, социальному статусу, образовательному уровню людей, «Детство 45–53» – единый текст об общем детстве военного и послевоенного поколения, детстве, проведенном в голодной послевоенной Москве, с очередями за капустой, маленькими грязными дворами, старьевщиками с тележками и т. д., но прожитом с предвосхищением будущего счастливого «завтра».

Справедливости ради отметим, что Л. Улицкая является автором трех «историй», написанных специально для детей: «История про kota Игнасия, трубочиста Федю и Одинокую мышь», «История про воробья Антверпена, kota Михеева, столетника Васю и сороконожку Марью Семеновну с семьей», «История о старике Кулебякине, плаксивой кобыле Миле и жеребенке Равкине». Фактически это сказки, действие которых, однако, разворачивается отнюдь не в фантастической реальности, а в мире современном: герои (Мышь, жучок Шашель, Таракан, кот Михай, сороконожка Марья Семеновна, жеребенок Равкин) существуют на подоконнике, в клетке без дверцы, в углу, в шкафу, в обычной квартире пятиэтажного дома. Каждый из них по-своему несчастлив и одинок, пока не выходит за пределы собственного маленького мира, не учится любить другого, совершенно отличного от него, и не начинает заботиться о ком-то. Так, в финале «Истории про воробья Антверпена...» возродившийся благодаря заботе Антверпена столетник Вася, позволивший сороконожке выбрать себе имена, замечает: «Уважайте своё имя! Существа, которые уважают своё имя, не обижают слабых и любят всех, даже тех, кто на них несколько не похож!» [10, с. 236]. По сути, все три сказки писательницы объединены одной общей идеей, которая является доминантной и для ее детского проекта «Другой, другие, о других...», – мыслью о воспитании у юных читателей терпимости, толерантности по отношению к *другим*, представителям иных культур, обычаев, национальностей. Как отмечает сама Л. Улицкая в одном из интервью, эти книги «учат малышей взаимоуважению и доброте. Они объясняют, что к другому человеку (даже если он сильно отличается от нас) нужно относиться как можно более доброжелательно. <...> Толерантность сегодня оказывается одним из казенных понятий, связанных с политкорректностью. Я бы для себя заменила этот термин словами «милосердие» и «терпимость». А терпимости нам всем не хватает, даже в частной жизни» [11]. Примечательно, что каждую книгу проекта «Другой, другие, о других...» писательница подбирает, демонстрируя многообразие мира, знакомя детскую аудиторию с важ-

нейшими составляющими обыденной жизни – воспитанием (Л. Винник «Я не виноват»), семьей (В. Тименчик «Семья у нас и у других»), правами каждого «маленького» человека (А. Усачев «Всеобщая декларация прав человека в пересказе для детей и взрослых»), проблемой появления всего сущего (А. Гостева «Большой взрыв и черепахи») и т. д.

Итак, тема детства рассматривается Л. Улицкой на протяжении почти тридцатилетнего творческого пути. При этом в художественной прозе – от рассказов к романам – детская тема расширяется и углубляется, переносится из сферы сугубо психологической в область метафизическую, связывается с проблемой восприятия ребенком основополагающих нравственных ценностей; в прозе non-fiction детство мыслится писательницей как пробуждение «я», исток всей последующей жизни.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: Дрофа: Вече, 2002. 912 с.
2. Пелевин В. Омон Ра. М.: Вагриус, 2000. 272 с.
3. Сорокин В.Г. Пир. М.: Ad Marginem, 2001. 382 с.
4. Осмухина О.Ю., Казачкова А.В. Специфика воплощения «детской» темы в современной отечественной прозе: многообразие рефлексивных практик // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 6. С. 151–162.
5. Санаев П. Похороните меня за плинтусом. М.: Астрель; АСТ, 2010. 317 с.
6. Журчева Т.В. Тема детства в новейшей русской драматургии // Коды русской классики: «детство», «детское» как смысл, ценность и код: Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Г.Ю. Карпенко. Самара, 2012. С. 215–219.
7. Улицкая Л. Священный мусор: [рассказы, эссе]. М.: Астрель, 2012. 476 с.
8. Улицкая Л. Зеленый шатер: роман. М.: Эксмо, 2011. 592 с.
9. Улицкая, Л. Медя и ее дети: роман. М.: Эксмо, 2002. 288 с.
10. Суранова М. Стала писателем, когда меня выгнали с работы: интервью с Л. Улицкой [Электронный ресурс] // Собеседник. Режим доступа: <http://www.sobesednik.ru/issues/159/rubr/1100/person/6285>.
11. Улицкая Л. История про воробья Антверпена, kota Михеева, столетника Васю и сороконожку Марью Семеновну с семьей. М.: Эксмо, 2005. 238 с.

SPECIFIC FEATURES OF THE EMBODIMENT OF THE CHILDHOOD THEME IN L. ULITSKAYA'S PROSE

O.Yu. Osmukhina

This article presents an analysis of the theme of childhood in the works by L. Ulitskaya. It is found that the childhood theme, starting from her stories, expands and deepens in her novels and shifts from a purely psychological to the metaphysical area. It is associated with the problem of the child's perception of fundamental moral values. In her non-fiction prose, the writer looks at childhood as a period of awakening of one's self, the source of all subsequent life.

Keywords: literary image, reflection, novel, non-fiction prose, tradition.

References

1. Dostoevskij F.M. Brat'ya Karamazovy. M.: Drofa: Veche, 2002. 912 s.
2. Pelevin V. Omon Ra. M.: Vagrius, 2000. 272 s.
3. Sorokin V.G. Pir. M.: Ad Marginem, 2001. 382 s.
4. Os'muhina O.Yu., Kazachkova A.V. Specifika voploshcheniya «detskoj» temy v sovremennoj otechestvennoj proze: mnogoobrazie reflektivnyh praktik // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2012. № 6. S. 151–162.
5. Sanaev P. Pohoronite menya za plintusom. M.: Astrel'; AST, 2010. 317 s.
6. Zhurcheva T.V. Tema detstva v novejshej russkoj dramaturgii // Kody russkoj klassiki: «detstvo», «detskoe» kak smysl, cennost' i kod: Materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / Otv. red. G.Yu. Karpenko. Samara, 2012. S. 215–219.
7. Ulickaya L. Svyashchennyj musor: [rasskazy, ehse]. M. : Astrel', 2012. 476 s.
8. Ulickaya L. Zelenyj shater: roman. M.: Ehksmo, 2011. 592 s.
9. Ulickaya L. Medeya i ee deti: roman. M.: Ehksmo, 2002. 288 s.
10. Suranova M. Stala pisatelem, kogda menya vygnali s raboty: interv'yu s L. Ulickoj [Elektronnyj resurs] // Sobesednik. Rezhim dostupa: [http:// www. sobesednik.ru/issues/159/rubr/1100/person/6285](http://www.sobesednik.ru/issues/159/rubr/1100/person/6285).
11. Ulickaya L. Istoriya pro vorob'ya Antverpena, kota Miheeva, stoletnika Vasyu i sorokonozhku Mar'yu Semenovnu s sem'ej. M.: Ehksmo, 2005. 238 s.